

А.О. Муртазаев

**АКУША-ДАРГО В ПОЛИТИКЕ РОССИИ
В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XIX в.**

На протяжении длительного периода соперничавшие за сферы влияния на Кавказе Россия, Иран и Турция, имея свои геополитические интересы в регионе, активно влияли на внешнеполитические позиции и настроения местных феодальных владетелей и союзов сельских общин Дагестана, пытаясь заручиться их поддержкой в этом противостоянии.

В начале XIX в. политическая ситуация в Дагестане и на Кавказе в целом оставалась противоречивой и весьма напряженной и постепенно менялась в пользу России. В этот период Россия перешла к активной фазе своей кавказской политики, направленной на систематическое расширение своего политического влияния на горские феодальные владения и союзы сельских общин.

Следует отметить, что в Дагестане в прошлом, кроме феодальных владений, было более 90 союзов сельских общин – своеобразных территориально-политических структур. Ряд из них объединились в более крупные структуры – федерации союзов сельских общин. Среди последних наиболее известной по своему политическому положению и влиянию была Акуша-Дарго. Союзы федерации Акуша-Дарго располагались в центральном или среднем Дагестане и занимали довольно большую территорию, которая превосходила многие феодальные владения.

Территория Акуша-Дарго была наиболее густонаселенной частью среднего Дагестана. В конце XVIII в. здесь было 30 тыс. дворов с населением от 90 до почти 100 тыс. человек (*Дренякин И.Т.*, 1958. 134; *Бутков П.Г.*, 1958. С. 210). Многолюдность позволяла федерации иметь огромное в масштабах Дагестана войско, доходившее до 17 тыс. человек, (РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 7), а при всеобщей мобилизации, по мнению некоторых исследователей и до 25 тыс. человек (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. 2. С. 298). Это обстоятельство обеспечивало ей большую роль и значение в политических событиях в Дагестане.

К началу XIX в. в Дагестане возникли две противостоящие коалиции: вокруг шамхала тарковского Мехти объединяются Мехтула, Акуша-Дарго, Койсубулу, Шейх-Али-хан кубинский, Мирза-Мухаммед-хан бакинский, к нему примыкают также Рази-бек кайтагский и Махмуд-кади табасаранский; вокруг Сурхая II, хана казикумухского, сплачиваются Рустам-уцмий, Рустам-кади табасаранский, Сохраб-майсум, Гасан-Али-хан дербентский, к нему примыкает и Цахур-Елису. Умма-хан аварский держится нейтрально. Обе стороны апеллировали к российским властям, взаимно обвиняя друг друга в нелояльности и приверженности к Персии.

Сурхай-хан II, воспользовавшись отсутствием Шейх-Али-хана в Дербенте, с помощью уцмий Рустам-хана и кадия Табасарана вызвал из Кайтага Гасан-хана, младшего брата Шейх-Али-хана, «по соглашению с первыми города Дербента чиновниками», помог ему стать ханом Дербента, при этом уцмий и кадий распустили слух, что «делают сие по воле и согласию Шейх-Али-хана», чтобы освободить Гасан-хана «из рук общего их неприятеля Казикумухского Сурхай-хана» и помирить поссорившихся братьев (Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК). 1866. Т. I. С. 642–643; *Козубский Е.И.*, 1906. С. 105). Узнав об этом, Шейх-Али-хан пытался взять Дербент, но после безуспешной 12 дневной осады вынужден был вернуться в Кубу.

Примерно в это же время союзник Шейх-Али-хана Мехти-шамхал «за русское жалование» нанял войско горцев, среди которых были акушинцы, руками которых «лишил без вины достоинства уцмий прежнего Рустам-хана...», а сделал на место его уцмием Ра-

зия» (АКАК. 1869. Т. II. С. 643). Таким образом, Акуша-Дарго оказалась втянутой в междоусобную борьбу в Кайтаге.

Между тем политическая обстановка на Кавказе постепенно менялась. В 1801 г. после смерти грузинского царя Георгия Картли-Кахетинское царство было присоединено к России. Тем самым Дагестан оказался охваченным полукругом с запада российскими владениями, что конечно, не могло не отразиться на внутривнутриполитических событиях в Дагестане.

В 1804 г. началась русско-иранская война (1804–1813 гг.), и возможность иранского реванша снова разделила на два лагеря дагестанских владельцев. Россию поддержал шамхал тарковский Мехти, Иран – Сурхай-хан II, к которому присоединился Шейх-Али-хан.

Не осталась в стороне от этих событий и Акуша-Дарго. Так, в 1806 г. от Аббас-мирзы акушинским кадием было получено письмо, в котором его призывали выступить против России. Также сообщалось о военном союзе Ирана и Турции против России (АКАК. 1869. Т. III. С. 427).

В русско-иранской войне Акуша-Дарго на стороне Шейх-Али-хана выступала против России. Тем временем в июле 1806 г. русские войска без боя вступили в Дербент, жители которого сами выгнали Шейх-Али-хана. Позже Дербентское ханство было передано в управление Мехти-шамхалу (История Дагестана. 1967. Т. II. С. 19).

3 октября 1806 г. русские войска присоединили к России Бакинское, а затем и Кубинское ханства. Такие успехи русских войск вынудили Шейх-Али-хана и Сурхай-хана II выразить свою покорность (История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 1997. С. 189). Свою лояльность к России засвидетельствовали тогда же многие владельцы Дагестана, однако под влиянием Ирана и Турции некоторые из них выступали против присутствия русских войск в этом регионе.

Так, главнокомандующий войсками на Кавказе А.П. Тормасов в июне 1809 г. сообщал генерал-лейтенанту Репину о том, что крепость Хала в 20-ти верстах от Дербента стала «местом собрания Акушелинцев (акушинцев. – Авт.) и других скопищ, набираемых Шейх-Али-ханом из дагестанцев» (АКАК. 1870. Т. IV. С. 632).

Следует отметить, что 1809 г. оказался наиболее трудным в ходе русско-иранской и русско-турецкой войн на Кавказе. В январе 1809 г. Шейх-Али-хан с помощью 5000 акушинцев завладел Кубинским ханством, на 20 дней осадив русский батальон в Кубе (*Алкадари Г.-Э.*, 1994. С. 121). Генерал-майору Гурьеву с русским войском и бакинским ополчением кое-как удалось вызволить Кубу и отогнать Шейх-Али-хана.

Таким образом, Акуша-Дарго весьма активно поддерживала основного противника России в Дагестане и северном Азербайджане Шейх-Али-хана. В связи с этим военное командование на Кавказе выражало озабоченность, поскольку союз сельских общин верхнедаргинцев Акуша-Дарго мог выставить значительную силу и заметно изменить ход происходящих военно-политических мер России в этом регионе. Так, в рапорте генерал-лейтенанта Репина генералу Тормасову от 13 мая 1809 года сообщалось, что «...в первое минувшее беспокойствие в Кубе (январь 1809 г. – Авт.) Ших-Али имел более военного народа из Акушинцев (верхнедаргинцев. – Авт.), коих ныне старается склонить на свою сторону, дабы ещё испытать свои силы противу Кубы» (АКАК. 1870. Т. IV. С. 674).

Опасения военного командования относительно акушинцев были вполне обоснованными. Кроме того, от шаха и турок шли письма и деньги. Фирман турецкого султана Махмуд-хана II получили многие дагестанские владельцы, в числе которых был и акушинский кадий (Фирман турецкого султана Махмуд-хана II дагестанским ханам от 1-го раби-уль-ахира 1225 (1810) года. С. 771). Таким образом, Шейх-Али-хан в 1810 г. с помощью горцев сумел завладеть на 4 месяца всей территорией Кубинского ханства. Но подошедший отряд полковника Лисаневича с конницей из Ширвана и Нухи разбил войска Шейх-Али-хана у с. Чичи и преследовал его до Ерсина, где он был разбит вторично, после чего вместе с зятем Абдуллою-беком попросил убежища в Акуша-Дарго (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. 2. С. 290).

Акуша, приняв Шейх-Али-хана и оказывая ему военную помощь, фактически превратилась в центр беспокойства в Дагестане и плацдарм дальнейшей политики Шейх-Али-хана, направленной против России, так и ее союзников в Дагестане. В связи с таким положением дел, российские власти получали различные сведения о ситуации в Акуша-Дарго и вокруг нее. Так, Мехти-хан, шамхал тарковский в письме генералу Тормасову сообщал, что «... некоторые жители Дарго, т.е. Акуши в намерении дать помощь Ших-Али вошли в сношение с жителями четырех сторон Дагестана» (АКАК. 1870. Т. IV. С. 676).

Весьма воинственные планы верхнедаргинцы строили и в отношении самого шамхала тарковского. «... извещаю вас, – писал он полковнику Адриано, – что Акушинцы и Даргасцы намерены были сперва отогнать у меня баранов, а потом напасть на владение мое далее до Тарков, о чем я осведомясь, поехал в деревню мою Гюбден, и собрав в оную подвластных моих, принял перед ними присягу, чтобы противу неприятеля действовать упорно до последней капли крови...» (АКАК. 1870. Т. IV. С. 675).

Одновременно с этим Акуша-Дарго выступила с инициативой примирения Шейх-Али-хана с российскими властями на Кавказе с условием возвращения ему Кубинского ханства и тогда «... все Дагестанские общества обяжутся отвечать за его верность России» (АКАК. 1870. Т. IV. С. 679). Скорее всего, идея эта исходила от самого Шейх-Али-хана, который пребывал в Акуша. Активность Акуша, за которой стояла внушительная сила по масштабам Дагестана, ее враждебность к России и ее союзникам, весьма беспокоили военную администрацию на Кавказе. В связи с этим генерал Тормасов в письме к шамхалу тарковскому сообщал: «По всем известиям ко мне доходящим усматриваю я, что соседственные с вами общества Акушинского народа будучи увлекаемы мятежным их духом, предпринимают вредные намерения против войск Его Императорского Величества и хотят разрушить спокойствие в том краю, почему считаю нужным в сем случае обратиться с дружеским моим вам советом и с требованием, дабы вы непременно удержали Акушинцев убеждениями или силою от соединения с ветреным Ших-Али» (АКАК. 1870. Т. IV. С. 679).

На самом деле было чему опасаться. Русские власти получали известие о готовящемся нападении Акуша-Дарго в союзе с антироссийски настроенными дагестанскими владетелями на Кайтаг, который в тяжелых для себя условиях оставался союзником России. «... Акушелинцы, Цудахарцы, Каракайтаки и Сурхай-хан, согласясь, приготовили свои войска и намерены идти и разорить владения его, Уцмия, а потом других Табасаранцев находящихся под покровительством России, наказав итти к Кубе или Дербенту», – говорится в источнике (АКАК. 1870. Т. IV. С. 633).

Вскоре акушинцы оказались втянутыми Шейх-Али-ханом в междоусобицу в Табасаране. Собрав в Акуша-Дарго отряд в три тысячи всадников, Шейх-Али-хан вступил в Табасаран для поддержки своего зятя Абдулла-бека. Соперник Абдулла-бека Мамед-бек сильно укрепился в селении Хучни, и даргинцы не решились на лобовую атаку укрепления, но Шейх-Али-хан с дербентско-кубинским отрядом захватил эту позицию с тыла. Абдулла-бек утвердился там кадием, однако через два месяца Мамед-кади снова вынудил его бежать к Шейх-Али-хану (АКАК. 1870. Т. IV. С. 606).

В это же время Сурхай-хан II готовил решительный удар на Кубу, и он тоже надеялся привлечь на свою сторону верхнедаргинцев, обещая им за это большие деньги (АКАК. 1870. Т. IV. С. 618). Одновременно с этим он обвинял их же во всех бедах и волнениях в Дагестане перед военным руководством России на Кавказе. Таким образом, он вел двойную игру: показывая России свою лояльность, он строил в отношении ее коварные планы. Так, дербентский комендант полковник Адриано сообщал, что «... Акушинцы, Хасан-хан, сын умершего Али-султана Джангутайского, и Сурхай-хан учинили присягу вместе собрать войска и идти на кубинскую провинцию» (АКАК. 1870. Т. IV. С. 633).

В связи с этим генерал Тормасов в письме к шекинскому хану предостерегал его о возможном нападении Шейх-Али-хана и его союзников на Кубу. «На сих днях, – сообщал он, – получил я сведения в рассуждении Сурхай-хана, что он имеет беспристрастное свидание с акушинскими кадиями и беками бунтовщика Ших-Али и что, согласясь с

акушинским народом, намерен впасть в пределы Кубинской провинции; доказательством же ему служит и то, что все беки, бежавшие из кубинской провинции с бунтовщиком Ших-Али проживающие в Сурхай-ханском владении в Кюри, ныне собрались к Ших-Али в Акуша» (АКАК. 1870. Т. IV. С. 630). В то же время Шейх-Али-хану удалось склонить на свою сторону акушинского кадия Абу-Бекра и собрать «при его содействии и с помощью денег, присланных в то время Персией народ из Акушинского, Цудахарского, Сургинского и Табасаранского участков и далее селений Мехтулинских, причем также было выслано ему в помощь значительное войско, Казикумухским и Кюринским Сурхай-ханом II с сыном своим Нухбеком», общим числом до 8000 воинов (АКАК. 1870. Т. IV. С. 623).

Между тем русским стало известно о наращивании сил Сурхая II и Шейх-Али. Навстречу их предполагаемому удару двинулся из Кубы русский полк. Дойдя до Самура, еще не встретив противника, полк остановился и начал просить подкрепления у гарнизона Дербента. Так они простояли несколько месяцев, безучастно наблюдая, как Сурхай и Шейх-Али захватили Табасаран. В Тифлисе в это время происходила смена командования и было не до того, все же оба командующих направили резкие послания командиру полка. Тот наконец решился перейти Самур. У Аджинахура в ноябре 1811 г. он был разбит и отступил с большими потерями: остатки полка были обложены в селении Зейхур, Куба также была осаждена. Бакиханов и Алкадари говорят также о столкновении у селения Джибир с последующим отступлением в Зейхур (*Бакиханов А.К.*, 1926. С.132; *Алкадари Г.Э.*, 1994. С. 97). Кроме этих двух укреплений и Кубинское ханство оказалось в руках Шейх-Али-хана. В это время на выручку подошел генерал Хатунцев с двумя батальонами пехоты и конным полком. У селения Рустов он столкнулся с главными силами Шейх-Али и разбил его. Бой длился 4 часа, Шейх-Али оставил на поле боя до тысячи убитых и 30 знамен, уцелевшие отступили. В этом сражении погиб и акушинский кадий Абу-Бекр (*Алкадари Г.Э.*, 1994. С.122; *Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. 2. С. 292).

Хатунцев, стремясь закрепить достигнутые успехи, с войском вступил в Кюру. Сурхай укрепил Шихикент, но 10 и 11 декабря этот аул и соседний Татарханкент были захвачены довольно быстро. Сурхай отступил в хорошо укрепленный Курах, но и он был взят без особого труда. Дальше русские войска не двинулись: стало известно о распространении чумы в Кумухе. В связи с этим нарушились планы Хатунцев наказать «акушинцев, дуздахарцев и джемутайцев» (АКАК. 1870. Т. IV. С. 631).

Между тем Кюринское ханство было отделено от владений Сурхая II – ханом там был торжественно утвержден 4 января 1812 г. Арслан-бек, сын первого кюринского хана Шахмардана и заклятый враг своего дяди Сурхая II. Весь 1812 г. прошел в мелких стычках дяди и племянника. Одновременно Сурхай II просил помощи у Ирана против общего их врага – России и вместе с этим пытался привлечь даргинцев на свою сторону и с их помощью вернуть Кюринское ханство, однако на этот раз Акуша-Дарго отказалась поддерживать Сурхай-хана.

Тем временем Хатунцев, опасаясь попыток Сурхая вернуть Кюру, в июле 1812 г. войска расположил в 40 верстах от Казикумуха и в 60 верстах от Акуша, чтобы привести к присяге Сурхая II и акушинцев (Донесение ген. Ртищева кн. Горчакову от 22 ноября 1812 года. С. 617).

Сурхай II и «соседи его акушинцы» медлили с присягой более 10 дней, откладывая ее по всяким маловажным поводам. Однако после решительного требования Хатунцева 17 июля 1812 г. Сурхай-хан II прислал своего сына Муртузали (извиняясь, что по болезни и старости не смог прибыть лично), и он принес клятву за отца на Коране, утвердив письменный текст присяги печатью хана (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. 2. С. 294–295). После этого «приехавшие от Акушинского и всего Даргинского народа кадии и почетнейшие старшины, от имени всего народа, равномерно учинили присягу на верность Его Императорскому Величеству, и почетнейшие из них утвердили оную своими печатями. Взамен они попросили: 1. Освободить пленных – это было исполнено;

2. Гарантировать, что пошлины с товаров, привозимых горцами в Дербент, будут теперь не более прежних ханских;

3. Сурхай II и старшины попросили Хатунцева дать слово, что от войск не будет никаких опасностей – Хатунцев дал слово, но с условием, что и с их стороны не будет ни вероломства, ни мятежей. И, наконец, «относительно Ших-Али-хана: оный находится в Акуша. Во все время по изгнании его из ханства, за измену Г.И., находил убежище и единственную помощь и где и теперь живет. И кадий и старшины именем всего народа просили ..., чтоб его от них не выгонять, которого, по обычаю их, имеют они у себя за кунака, быв прежде одолжены отцом его, и дают за него свое ручательство, что он жить будет у них спокойно, и ничего неприязненного не предпримет, за что, в противном случае, приемлют они ответственность на себя», – Хатунцев согласился (АКАК. 1873. Т. V. С. 617).

После присяги в знак расположения генерал Хатунцев раздал старшинам и кадиям, которых было более 25 человек, 125 золотых червонцев, да еще 25 раздал гонцам. На этом стороны расстались, делегаты покинули ставку Хатунцева. Присяга Акуша-Дарго была желанным политическим успехом и для российской администрации.

Русско-иранская война, начавшаяся в 1804 г., закончилась подписанием мирного договора в местечке Гюлистан 12 октября 1813 г. По его условиям к России отходили Кубинская, Ширванская, Карабахская, Гяджинское ханства и весь Дагестан (История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 1997. С. 194).

Гюлистанский договор не отменял ранее заключенных двусторонних соглашений между отдельными владениями или общинными союзами Дагестана и Российской империи. Однако прежде дагестанские земли и владения были для империи субъектами внешней политики, отныне статус их резко поменялся: они стали территориальными единицами централизованного государства, объектами его внутреннего управления.

Почти одновременно с подписанием Гюлистанского договора определились контуры новых двух коалиций в Дагестане: Кайтаг, шамхальство, Кюре – с одной стороны; Авария, Мехтула, Казикумух, Ширван – с другой. К ней все более склонялся акушинский союз. Вполне возможно, что этому способствовал Шейх-Али-хан, получивший убежище в Акуша, который периодически получал крупные суммы денег из Ирана, что давало ему возможность находить себе сторонников в Акуша-Дарго (Магомедов Р.М., 1999. Ч.2. С. 303). Таким образом, как и в XVIII в., в Дагестане снова образовалась глубокая «политическая трещина»: по одну сторону оказались засулакские княжества, Эрпелинское владение, шамхальство, уцмийство, Майсумское владение, Кюринское и Кубинское ханства, по другую сторону – Аварское, Казикумухское и Мехтулинское ханства, Акуша-Дарго, бекиские владения северного Табасарана.

Тем временем обстановка в Дагестане начала быстро меняться. Основание ряда укреплений по левому берегу реки Сунжи и крепости Грозной в 1818 г. обеспокоило не только чеченцев. Авария, Акуша, Мехтула, Казикумух, Табасаран составили союз и готовились действовать против русских (Козубский Е.И., 1906. С. 157; Потто В., 1887. Т. II. С. 211).

В 1818 г. дагестанские владетели Аварии, Кайтага, Мехтулы, Казикумуха, к которым «пристала Табасарань», решили напасть на шамхальство Тарковское – основного союзника России в Дагестане. Шейх-Али-хан «при помощи персидского золота привлек на сторону союза акушинского кадия и поднял воинственный, сильный и в высшей степени свободолюбивый народ акушинский» (Потто В., 1887. Т. II. С. 210). Ермолов, новый главнокомандующий войсками России на Кавказе, понял, что «решающее значение в этом движении будут иметь акушинцы». Поэтому он приказал генералу Пестелю выступить из Кубы через Дербент на р. Дарвах и наблюдать за Акушой и Каракайтагом. Но Пестель, не ограничившись своей наблюдательной ролью, занял Башлы, «чтобы наказать за принятие участия в возмущениях» (Ермолов А.С. Рапорты Александру I // РФ ИИАЭ ДНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 47). Любопытны наставления Ермолова Пестелю: «Заставьте акушинский народ помышлять о собственной защите, и они оставят мысль о нападении на уцмия и шамхала...» (АКАК. 1873. Т. V. 5. С. 653).

Акушинцы, узнав о занятии русскими Башлы, двинулись к нему. К ним тут же присоединились Султан-Ахмед-хан аварский, его брат Хасан-хан мехтулинский, Шейх-Али с зятем Абдуллою ерсинским. Общее количество войск достигло 20 тысяч человек (Потто

В., 1887. Т. II. С.213). После боя, продолжавшегося несколько дней, отряд Пестеля потерпел жестокое поражение и отступил в Дербент (История царствования Императора Александра I и России в его время. 1971. Т. VI. С. 283). Весть о башлыском поражении вызвал настоящий всплеск борьбы. Слухи о поражении русских войск распространились по Дагестану и Восточному Закавказью, дойдя до Ирана (*Потто В.*, 1887. Т. II. С. 235). Узнав о случившемся, Ермолов немедленно вступил в приморский Дагестан. В пути Ермолов дает команду Пестелю выступить из Дербента и соединиться с ним. Узнав о выступлении Пестеля, коалиция дагестанских владетелей попыталась преградить ему путь, укрепив Хан-Мамед-калу. В рапорте Ермолову Пестель сообщал, что акушинцы и аварцы, которым помогали каракайтагцы, укрепляются в Хан-Мамед-кале, а уцмий даже пообещал содействовать им в этом деле «осторожно», чтоб это никак не повредило его сыну (АКАК. 1874. Т. VI. Ч.1. С.50). Но Пестель на этот раз выбил повстанцев из Хан-Мамед-калы, сжег ее, а также села Дели-Чабан, Берекей и Джими-кенд, в котором также укрепились повстанцы, затем разорил и остатки селения Башлы (АКАК. 1874. Т. VI. Ч.1. С. 50).

Сам Ермолов двинулся на Мехтулу и 12 ноября 1818 г. занял Параул. 14 ноября отряд Ермолова с боем захватил Нижний и Верхний Дженгутай. Ермолова поторопило приближение четырехтысячного акушинского войска. Шесть верст оставалось им до Дженгутая, когда генерал поспешил начать сражение. Навстречу акушинцам двинулись две роты под командованием капитана Коцерава. Маневр привел к успеху, Гасан-хан отступил, оба села были разгромлены и сожжены. Султа-Ахмед-хан и его брат Гасан-хан не имели успеха. Акушинцы, а затем остальные горцы разошлись по домам (АКАК. 1874. Т. VI. Ч.1. С. 310). По сообщению официальных историографов, Ермолов был этому страшно рад: у него уже не хватало сил для продолжения боевых действий. «Смирение акушинцев» он считал очередной задачей, иначе неизбежны волнения в среднем Дагестане и изоляция Дербента от линии. В своем письме царю он просил выделить ему хотя бы три полка пехоты и две роты артиллерии, а еще лучше довести численность русских войск на Кавказе хотя бы до трех дивизий (АКАК. 1874. Т. VI. Ч. 1. С. 311).

Между тем Ермолов упразднил Мехтулинское ханство, наказав таким образом Гасан-хана за антироссийское выступление.

Вернувшись 1 декабря на линию, Ермолов через две недели пишет письмо-обзор начальнику Главного штаба князю Волконскому, заканчивая его просьбой о подкреплении: «... с сими войсками... в два года Дагестан будет совершенно в руках наших ибо одного акушинского народа надобно смирить гордость: прочих всех бедность и нужда покорят нашим законам» (АКАК. 1874. Т. VI. Ч. 1. С. 324).

Акуша-Дарго в то время была наиболее сильной и влиятельной политической единицей в Дагестане, и не без основания сам Ермолов писал, что «акушинцы служили твердо опорой всем прочим народам и могущественным своим влиянием их против нас вооружали» (*Ермолов А.П.*, 1869. Ч. 2. С. 89). Интересны наблюдения полковника Муравьева-Карского, который в то время руководил двумя батальонами в Тарки. Так, он писал, что акушинцы богаты, многочисленны и сильны в Дагестане. «Общество сие, отличающееся от прочих образований своим мудрым правлением и силою, всегда имело большое влияние на все другие общества и владения Дагестана, так что оно даже имело у себя в залоге сыновей владельческих. Многочисленные войска акушинские считались непобедимыми до вторжения к ним Алексея Петровича» (Ермолов. – Авт.) (*Алиев Б.Г.*, 2005. С. 84). Поэтому Ермолов писал, что «народ дагестанский акушинцы является виновником всех беспокойств, и так далеко простирается его дерзость, что ... я должен непременно идти для наказания сего народа» (*Ермолов А.П.*, 1869. Ч. 2. С. 75).

Тем временем волнения в горах продолжались. Зима 1818/19 гг. прошла в подготовке обеих сторон к войне. По сведениям русского командования, Султан-Ахмед, Сурхай II и Шейх-Али-хан (получивший от шаха 4 тысячи туманов) решили оторвать шамхала от России. Если тот не согласится, то восстановить против него акушинцев. Узнав об этом, шамхал предложил Акуша и другим обществам встретиться в Губдене и решить все вопросы. Но когда шамхал узнал, что в Губден прибыло до тысячи человек от каждого об-

шества Акуша-Дарго, он тот час же «заболел». Под этим предлогом он просил собравшихся в Губдене прислать своих выборных представителей в Тарки – совещание тянулось 12 дней, но без серьезных результатов. Горцы просили не пропускать через его территорию русские войска и отдать в Акуша шамхальского сына Сулейман-пашу. При этих условиях все Акуша-Дарго готово служить шамхалу и не нападать на русских. В ответ шамхал указал им, что у него нет власти приказывать русским войскам запретить передвигаться по Дагестану. Однако он может ходатайствовать и заступиться за них перед русскими властями. В итоге шамхал согласился послать сына в Акуша, но при условии, что шамхальство не будет обязано воевать на стороне башлынцев, Султан-Ахмеда, Гасан-хана и кайтагцев, особенно против русских войск (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. 2. С. 313). Дагестанские владетели, за исключением союзников России, готовили новую акцию, распределив, кому и куда идти. Они решили воспрепятствовать строительству крепости. «Сильные акушинцы со своей стороны угрожали тем, которые хотели оставаться верными русским» (*Потто В.*, 1887. Т. II. С. 228).

До Ермолова доходили слухи, что намечены одновременные удары Гасан-хана на Кадиярт, Султан-Ахмед-хана – на Эндери, Акуша-Дарго – на союзников русских (т.е. шамхала и уцмия), а Шейх-Али-хан и Абдулла-бек идет на Кюру и на Кубинское ханство. В это время был убит табасаранский кадий – сторонник России, и связь Кизляра с Дербентом фактически прервалась (*Магомедов Р.М.*, 1999. С. 314).

Шамхал тарковский и Аслан-хан кюринский готовились к обороне, русские поспешно воздвигали крепость Внезапную. Ермолов строил наступательные планы и требовал подкрепления. Он в рапорте царю писал: «... Народ дагестанский акушинцы, о которых доносил я прежде, виною всех беспокойств, и так далеко простирается их дерзость, что если Вашего императорского величества не будет высокого соизволения на дополнение трех полков и двух рот легкой артиллерии, я должен непременно идти для наказания сего народа... иначе Кубинская богатейшая наша провинция может быть угрожаемая нападением и за ее непоколебимость ответственность не можно. Теперь уже нет у них сообщения верного (т.е. надежного) Кавказской линии с Дербентом, пресекалась торговля...» (Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова от 14 декабря 1818 г. С. 310).

Тем временем Ермолов, поставив во главе экспедиционного отряда генерала Мадатова, начал борьбу с мятежниками. Мадатов усмирил Табасаран и расположился около Дербента. Отсюда он двинул войска на Кайтаг, правитель которого вел двойную политику. Состоялась встреча Мадатова и уцмия, после чего был отпущен сын уцмия. Вернувшись в Кайтаг, уцмий заявил в письме к Мадатову, что он являлся к нему ради освобождения сына и не хочет «иметь над собою старшего». Между тем Мадатов получил сведения о том, что в Башлы сосредоточилось около трех тысяч горцев, «подкрепляемых уцмием Адиль-Гиреем», а также отряд Абдулла-бека ерсинского. 9 октября Мадатов атаковал Башлы, вынудил защитников оставить его. Уцмий Адиль-хан отвел свое войско в район селения Маджалис и, получив подкрепление от акушинцев, укрепился в местности Самси, где сосредоточилось 4 – тысячное войско. В результате сражения войска уцмия Адиль-хана и его союзников были разгромлены. Сам уцмий бежал в Акуша, где ему дали убежище (*Богуславский Л.*, 1892. С. 352). После поражения уцмия Адиль-хана жители Каракайтага, Каба-Дарго и Теркеме присягнули на верность России (АКАК 1874. Т. VI. Ч. I. С. 62).

Уцмийство указом Ермолова было упразднено, а управление временно поручено племяннику уцмия Амир-Гамзе, но без титула уцмия.

Все случившееся обеспокоило и лидеров антироссийской коалиции, и акушинцев: под русский контроль попала вся полоса приморской равнины от Самура до Сулака. Теперь очередь была за Акуша-Дарго, находившейся в среднем Дагестане. Это был, по словам В. Потто, «знаменитый в горах любовью к независимости и гордый воинственным духом» народ (*Потто В.*, 1887. Т. II. С. 250). Этот народ и предстояло теперь покорить Ермолову. К этому времени Акуша-Дарго стояла одна против России. Россия покорила все Каспийское побережье, из своих земель были изгнаны уцмий Кайтага, Гасан-хан мех-

тулинский и Шейх-Али-хан и лишенный генеральского чина аварский хан (*Алиев Б.Г.*, 2005. С. 84).

В такой обстановке у дагестанских владетелей возникает идея объединения всех в один союз, чтобы противостоять проникновению Ермолова в горы. Во главе движения стали «гордые акушинцы» и «акушинская земля должна была сделаться ареною кровавого столкновения» (*Потто В.*, 1887. Т. II. С. 250). Акушинский кадий принял на себя главное руководство, ему помогали аварский хан, уцмий, Сурхай-хан II и Шейх-Али-хан, располагавший значительными суммами, которые получал из Персии (*Потто В.*, 1887. Т. II. С. 251).

Как пишет Б.Г. Алиев, целью дагестанских владетелей было, объединившись в союз, отстоять общую независимость, принудив войти в союз «отпавших», восстановить весь политический строй Дагестана в том виде, как он сложился в течение веков и существовал до появления русских. Сначала предполагалось напасть на шамхала, чтобы заставить его отойти от русских, и одновременно атаковать Чирахский пост, чтобы отсечь дорогу в Кубу и разорить владения преданного России Аслан-хана кюринского. При удаче этих планов возникала возможность предъявить русским условия мира и заставить их вернуть Дербент, Кубу, Кайтаг и Дженгутай (*Алиев Б.Г.*, 2005. С. 85).

Тем временем начал активно действовать враг шамхала Мехти Гасан-хан мехтулинский: ему удалось занять Тарки и осадить шамхала в его укрепленной усадьбе, которого спасла только случайность – в дни осады Гасан-хан внезапно умер (есть версия об отравлении). Как только об этом стало известно, Ермолов с войсками двинулся к Таркам и 14 ноября он был уже там (9 батальонов пехоты, 200 казаков и 400 всадников, 16 орудий).

Внезапные сильные снегопады задержали Ермолова в Тарках на две недели. Это время он употребил для переброски отряда Мадатова в Губден, а акушинцам направил ультиматум. Ермолов требовал от них повторно присягнуть императору, прислать аманатов из лучших тухумов, изгнать из своих пределов всех ищущих убежища. Акушинцы ответили отказом.

Отряд акушинцев, т.е. верхнедаргинцев (по данным Ермолова, их было более 10 тыс. человек) двинулись к границам Тарковского шамхальства. Акушинцы, которых, по данным В. Потто, было 25 тыс., могли преградить единственную дорогу, идущую в этом месте. В такой обстановке Ермолов «мастерскими переговорами, то льстя, то угрожая акушинцам, задерживал их движение, усыпляя их внимание», и тем самым дал возможность отряду Мадатова занять выгодную позицию. В результате дорога в Акуша была открыта (*Потто В.*, 1887. Т. II. С. 255). Тем не менее у акушинцев было какое-то необоснованное чувство безопасности. Об этом писал и сам Ермолов: «Взятые в проводники жители, не веря успеху предприятия нашего, показывали как бы в насмешку те места, где были разбиты войска Надир-шаха, дороги, по коим спасались они рассеянные. Таково было мнение о могуществе акушинского народа, и немало удивляло, всех наше появление в сей стране» (АКАК. 1874. Т. VI. Ч. 1 С. 69; *Потто В.*, 1887. Т. II. С. 253). Ермолов, отвлекая акушинских старейшин пустыми словами, занял почти без сопротивления Губден, Какашуру, Дженгутай и Урму. 16 декабря он без труда ввел свои главные силы в Урму.

19 декабря с рассветом начался бой под Левашами. Увидев, что их начинают обходить с правого фланга, акушинцы бросились защищать другие высоты на пути к Левашам. Мадатов открыл сильный ружейный и артиллерийский огонь. Воспользовавшись этим, Ермолов ринулся вперед. Пораженные перекрестным пушечным огнем с фронта и с тыла, акушинцы вынуждены были бежать. Овладев утесами, русские войска стали бить по отступающим акушинцам. Их догнали триста казаков Моздокского полка, в результате чего многие были порублены (*Алиев Б.Г.*, 2005. С. 86).

Бой был стремительным – продолжался всего два часа. Все произошло так быстро, что акушинцы не успели развернуть против русских и четвертой части своих сил. После боя Мадатов занял Левашам. Здесь стало известно, что акушинцам помогали койсубулинцы, казикумухцы со старшим сыном Сурхай-хана II и многие другие «вольные общества Дагестана и что силы неприятеля доходили до 20 тысяч» (*Потто В.*, 1887. Т. II. С. 259).

В бою участие принимали и сам акушинский кадий Магомед, уцмий Адиль-хан, Умалатбек, племянник и зять шамхала тарковского и Шейх-Али-хан (*Помто В.*, 1887. Т. II. С. 259).

Весь следующий день после боя русские войска двигались в сторону Акуша, не встречая сопротивления. Войска шли вперед и «все, что встречалось по пути непокорного, предавали огню и разрушению». «Разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому еще доселе не покоряющегося народа», – объяснял потом Ермолов (*Ермолов А. П.*, 1869. Ч. 2. С. 98). 21 декабря 1819 г. русские войска вошли в оставленное жителями с. Акуша. Ермолов приказал убегающих не преследовать, имущества не касаться, домов не трогать – разрушить до основания дома Шейх-Али-хана и его сподвижников. Видя такое великодушие, акушинцы постепенно возвратились в село. Почетнейшие 150 акушинцев явились к Ермолову, чтобы объявить ему от лица народа покорность.

По требованию Ермолова Магомед-кади акушинский как союзник Шейх-Али-хана был снят с должности кадия. Вместо него был назначен Зухум-кади (Письмо генерала Ермолова к Зухум кадию от 23 декабря 1819 г. С. 79).

К прежним требованиям ультиматума были добавлены еще некоторые – все вместе они составляли своего рода договор, на условиях которого Акуша-Дарго входила в Российскую империю. Они были изложены Ермоловым в его официальном письме Зухум-кади. Кадий и все общества обязаны были:

- сохранять прежний образ управления и прежние обычаи без всякой перемены;
- обращаться непосредственно к главнокомандующему, ибо иной власти над ними нет;
- не иметь связи с изменниками и противниками России, не давать им убежища;
- выявить «вредных людей» в самом обществе Акуша-Дарго;
- поддерживать союз с народами, подданными российского императора;
- разрешается собирать войско для обороны своих границ, запрещается выводить его за эти границы без разрешения главнокомандующего;
- не вмешиваться в распри соседей и не оказывать им помощи без приказа главнокомандующего, соблюдать строго;
- все повеления главнокомандующего доводить до сведения обществ Акуша-Дарго;
- аманатов представить без промедления – они будут содержаться в Дербенте (были представлены 25 аманатов из влиятельных семей);
- в знак подданства ежегодно в сентябре Акуша-Дарго должна представлять коменданту Дербента 2000 баранов (Письмо генерала Ермолова к Зухум кадию от 23 декабря 1819 г. С. 79).

Договор был утвержден обеими сторонами и вступил в действие. В заключение переговоров старейшины вручили Ермолову дорогую шашку. «Главнейшие из старейшин от всех селений даргинского общества были приведены к присяге русскому императору. Церемония происходила в великолепной городской мечети Акуша» (*Помто В.*, 1887. Т. II. С. 262).

Таким образом, федерация союзов сельских общин Акуша-Дарго признала себя частью Российской империи, а верховной властью – российского императора. Отсюда следуют ее обязательства: аманаты, символический налог, имперский контроль над внешней политикой, военными акциями федерации и утверждение ее высшего должностного лица – акушинского кадия. В обмен империя выводит войска из пределов Акуша-Дарго, признает ее полное самоуправление, вплоть до сохранения традиционной политической структуры и правовой системы и даже собственных военных сил. 29 декабря все русские войска были выведены за пределы Акуша-Дарго.

В рапорте царю в январе 1820 г. Ермолов докладывал: «Область, подвергшаяся под скипетр Вашего императорского величества, состоит из 60000 жителей, народа никому непокорствовавшего, воинственного и управлявшего всем Дагестаном. Разрушено скопище злоумышлявших против нас, пристанище врагов и изменяющих нам» (*Магомедов Р. М.*, 1999. Ч. 2. С. 328).

В общем Акуша-Дарго в XVIII – начале XIX в. проявила себя очень активным игроком на политической арене Дагестана. Акуша-Дарго фактически принимала самое активное участие во всех политических событиях Дагестана. Она стала субъектом международной политики на Кавказе. Монархи соперничавших на Кавказе держав – России, Турции и Ирана отводили ей большую роль в проведении своей политической линии в Дагестане. Большую роль в особенности отводило русское военное командование на Кавказе Акуша-Дарго в политических событиях в Дагестане в конце XVIII – начале XIX в. От ее позиции фактически зависело дальнейшее укрепление России в регионе в целом, поскольку в это время Акуша-Дарго была наиболее сильной и влиятельной политической единицей в Дагестане, что признавали как русские военные власти, так и сами дагестанские владетели.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, собранные кавказской археографической комиссией. (АКАК). 1866. Т. I. Тифлис.
 АКАК. 1869. Т. II. Тифлис.
 АКАК. 1869. Т. III. Тифлис.
 АКАК. 1870. Т. IV. Тифлис.
 АКАК. 1870. Т. IV. Тифлис.
 АКАК. 1873. Т. V. Тифлис.
 АКАК. 1874. Т. VI. Ч. 1. Тифлис.
Алкадари Г.-Э., 1994. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала.
Алиев Б.Г., 2005. Поход А.П. Ермолова в Акуша-Дарго в 1819 г.: причины, ход, последствия // Вестник Института ИАЭ. № 2.
Бакиханов А.К., 1926. Гюлистан-Ирам. Баку.
 Богуславский Л., 1892. История Апшеронского полка. 1700-1892. Т. I. СПб.
Бутков П.Г., 1958. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. М. (ИГЭД).
 Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова от 14 декабря 1818 г. // АКАК. 1874. Т. VI. Ч. 1. Тифлис.
 Донесение ген. Ртищева кн. Горчакову от 22 ноября 1812 года // АКАК. 1873. Т. V. Тифлис.
Дренякин И.Т., 1958. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД.
Ермолов А.С. Рапорты Александру I // РФИИАЭ ДНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71.
Ермолов А.П., 1869. Записки с приложением. 1816–1827. Ч. 2. М.
 История Дагестана. 1967. Т. II. М.
 История Дагестана с древнейших времен до наших дней. 1997. Махачкала.
 История царствования Императора Александра I и России в его время. 1971. Т. VI. СПб.
Козубский Е.И., 1906. История города Дербента. Темир-Хан-Шура.
Магомедов Р.М., 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Ч. 2. Махачкала.
 Письмо генерала Ермолова к Зухум кадию от 23 декабря 1819 г. // АКАК. 1874. Т. VI. Ч. 2. Тифлис.
Потто В., 1887. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. СПб.
 РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.
 Фирман турецкого султана Махмуд-хана II дагестанским ханам от 1-го раби-уль-ахира 1225 (1810) года // АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV.